

В темных религиозных лучах. Трепетное дерево. Василий Васильевич Розанов

Мы загасили огни. Но вместо того чтобы разойтись спать, вышли в сад, чтобы подышать полчаса — час ночью.

Глубокое безмолвие было в воздухе. Ночь была темна, но как-то странно. В саду, на ближней полянке, в подымавшемся за дачей лесу стояла черная темь. А небо было светлое, бирюзовое. По нему, как веснушки по лицу, были раскиданы бледные и маленькие звездочки, наши северные, бескровные звездочки. Все было невыразительно. Но нельзя сказать, чтобы в этой невыразительности не было чего-то духовного. Точно больная девушка, которой немного жить, но которая тем упорнее в мечтах своих и пожеланиях. Белокурое небо. Не замечали ли вы, читатель, что вся наша, северная природа белокура, тогда как юг, и его небо, и звезды — явный брюнет. Что-то такое есть...

Деревья сада замерли в безветрии. Но одно высокое дерево, наискосок от нас, трепетно билось своими листочками. Точно что-то нервное пробегало в нем, точно листва его шевелилась внутренним электричеством. Оно было красивее, духовнее других. Но я рассеянно смотрел на него, не обращая особенного внимания.

— Я очень люблю это дерево, — сказала одна из собеседниц, — хотя вы знаете, какая о нем есть легенда...

Тут только, взглянув внимательнее, я заметил, что это осина. Когда-то я рассматривал ее листья, чтобы определить причину постоянного их трепета. Каждый листок осины сидит на очень длинном и довольно слабом черешке, и в то же время сам слегка изогнут. Малейшее давление атмосферы, таким образом, повертывает его из стороны в сторону; и как абсолютной неподвижности воздуха не бывает, то дерево и трепещет постоянно листьями.

То, которое было перед нами, было необыкновенно красиво. В листьях его был именно трепет, а не просто движение. Среди сонных куп других деревьев сада оно казалось одно не дремлющим и не усталым. «Точно оно вечно оправдывается или вечно вспоминает», — подумал я. Но эта мысль пришла мне в голову потому, что я знал легенду.

— Какая легенда? — спросили многие из общества.

— Очень печальная и нехорошая. Что когда Иуда предал Христа, то почувствовал угрызение совести и удавился. Он удавился на осине, и с тех пор она трепещет листьями. Подобная же легенда есть о воробьях. Вы заметили, как они скачут. Предание рассказывает, что они принесли гвозди, которыми были пригвождены руки и ноги Спасителя к кресту.

Признаюсь, о воробьях я не очень понял. Я продолжал смотреть на дерево, которое положительно было трепетно. И вот я стал думать, до чего неосторожен человек, что невинные и беззащитные растения окружает мрачными вымыслами своего воображения. Дерево являло ему чудный вид. Оно редко и исключительно. Но вместо того, чтобы любоваться им, человек заподозрил его в каком-то чудовищном родстве или единении с предателем Иудой, и что дерево вечно дрожит от страха. Какой вымысел! Какое уродство в смысле!

И я перенесся воображением за две тысячи лет. Никогда я не мог постичь сна учеников Иисусовых в Гефсиманском саду. Сон на учеников Иисусовых точно был нагнетен, точно это был магнетический сон, — тем более что нигде еще в Евангелии не упоминается о их сонливости или нерадении! Я много раз размышлял над этим. Какая здесь цель? Для чего показан этот сон? Какой в нем смысл? Заметим, что сон учеников во время молитвы Спасителя в Гефсиманском саду навеки запомнился в человечестве как упрек, самоупрек, как показатель слабости человеческой и, в частности, как показатель того чрезмерного превосходства, какое имел Учитель перед своими учениками. И даже более. Они чрез этот таинственный сон, который так легко счесть за небрежение, точно причастились все духа и деяния Иуды. Хоть немножко, но тенденция к этому есть. Тот предал, эти не усторожили. Тут и знаменитое троекратное отречение Симона от Христа во дворе Каиафы получает свое объяснение. Это тот же уклон: «Он — взят, а вы то спали, то отрекались! Один из вас привел воинов! Конечно, Он имел врагов; но страшнее и унижительнее для человечества, что Он не имел друга!»

И тогда оба явления, и сон и отречение, суть только лучи, только частицы одного потрясающего события, уже шедшего в мир: смерти Бога среди людей и от людей. Как это ужасно! Еще каинство человека, еще убитый в нашем доме, на нашем поле Авель! и какой Авель!

И вот, как бы испуганный и оправдываясь, в эту ночь и перед этою осиною я спросил себя о том, о чем никогда в жизни не спрашивал себя:

— И мы — Иуды?.. Опять Каины!

О, что значит врагам погубить? Они на то и враги, идут с открытым забралом. Наконец, они осуждены. Но «ученик предал» — это гораздо страшнее, чрез это именно мы-то, тоже ученики, осуждены; и куда уже нам деться, не видим. Совершилось второе тягчайшее грехопадение человека: убили Бога. О, что перед этим, что когда-то в Адаме люди Его не послушались... То было маленькое падение, это — большое, главное...

Вот о чем я и думал, сидя перед осиною. Она все так же трепетала. И я трепетал. И как бы хотел я закричать, заплакать: «Нет, Господи, этого не было, нет! Мы не спали, не отрекались, не предавали; мы кричали: «Осанна Сыну Давидову! благословен, Грядый во имя Господне!» И пальмы, и одежды под ноги, и дети.

А тусклые звездочки все так же мерцали. И что-то знали, чего я не знал.

1901 г.